

Селоджя. 1995. - 4 марта. - с. 41

Теперь всегда репетиция

Три имени — Софии Губайдулиной, Арво Пярта и Валентина Сильвестрова — в этом году заменили Второму международному фестивалю современной музыки (организован продюсерской фирмой Валима Дубровицкого) прошлогоднее название «Губайдулина и ее друзья». По какой причине маскировка — не совсем ясно: смысл и структура события те же. Есть главная героиня пронзительно цветаевского облика. Все прочие — друзья. Так представлены и упомянутые в заглавии фестиваля композиторы (но только два сочинения Сильвестрова в программе — не маловато ли для друга?), и верные исполнители — Гидон Кремер, Давид Герингас, Владимир Тонха, Фридрих Липс, Марк Пекарский.

На пресс-конференции героиня рассказывала о своем нынешнем бытии: «В деревне под Гамбургом у меня есть дерево и тишина. Возможно, когда-нибудь мне еще придется жить на асфальте. Но сейчас я счастлива, потому что могу заниматься музыкой».

Всем проживающим на асфальте и явившимся на фестиваль будет отдан кусочек тихого лесного счастья Губайдулиной. Всем обитающим в московском мраке привидятся отсветы далеких недавних и давних премьер ее (и ее друзей) сочинений. Но настоящей, здешней, т. е. мировой премьеры на фестивале нет ни одной. Зато в изобилии имеются «первые исполнения в России». Так и задумано — подобно музыке героини — с любовью к пространственным и временным эффектам эха и отражения. Ведь кто-то когда-то именно здесь отчаянно крикнул, и кто был рядом, тот услышал. Теперь звук обретается в иных землях. А в здешних местах преданно любят эхо. Заказывать же сочинения специально для первого исполнения здесь — не любят. Устраивать реальную премьеру страшно, хлопотно, дорого и в итоге излишне: эффект эха гарантирует организаторам благодарность и принятие публикой всего ей благородно и безвозмездно данного (впрочем, благодарность совершенно заслуженную).

На конференции неожиданно вскрылся и еще один сокровенный смысл происходящего. «Мы на фестивале — как на том свете», — шокирующе радостным тоном обрисовал ситуацию киевский композитор Валентин Сильвестров, в отличие от Пярта и Губайдулиной в России практически не исполняемый. И затем пояснил, что именно там происходит настоящая встреча. А здесь на фестивале как раз проходит репетиция.

Если так, то она открылась в Рахманиновском зале авторским вечером Губайдулиной с тремя премьерами местного значения: пьесой для усиленного клавесина и пяти струнных «Размышление по поводу хорала Баха» (хорал «Вот я пред Твоим троном» — последняя баховская работа); сочинением на стихи Геннадия Айги «Теперь всегда снега» для камерного ансамбля с камерным хором; пьесой «В ожидании» для четырех саксофонов и шести ударников (закрывается бесконечно прекрасной цитатой, исполняемой на колоколах, — средневековой секвенцией *Dies irae*, символом смерти). О трепетной жизни и страшной смерти звука и паузы (говорят, некий репортер выключал диктофон во время тишины. Бедняга, он не записал большую часть музыки) старательно, но не очень осмысленно рассказывали ансамбль «Студия новой музыки», камерный хор консерватории, организованный к фестивалю, и совершенно свободно, внятно, пластично — Московский квартет саксофонов и ансамбль Марка Пекарского («В ожидании»).

Далее по ходу фестиваля нарисуеться полная и многоцветная картина творчества художников, представляющих в истории русской музыки второй половины XX века плюс, противоположный тому, на котором находится, к примеру, Альфред Шнитке. До основания разрушится некогда нарисованная картинка под названием «Московский треугольник», и, возможно, сформулируется новый и ясный ответ на вопрос: «Что же есть?» А пока и теперь всегда: «о Бог опять снега а будь что есть их нет снега мой друг снега душа и свет и снег о Бог опять снега и есть что снег что есть» (Геннадий Айги).

Юлия БЕДЕРОВА